

«ДИАЛЕКТИКА» РАМЭ

«Диалектика» начинается с введения, вслед за которым следуют две книги, названные «Нахождение» и «Суждение». Это разделение на две книги, как показывает А. Думитрив, идет от Агриколы, Рамэ заимствовал его у Штурма, опубликовавшего работу о диалектических разделах, – «*Dialecticae partitiones*».

План разделения логического учения Рамэ претерпел много изменений. Как показывает библиографический анализ произведений Рамэ, сделанный Онгом, в 1543 г. в «*Dialecticae Institutiones*» говорилось о трех частях под названиями: *natura* (природа), *doctrina* (искусство) и *exercitatio* (упражнение). Это разделение объясняется тем, что у Рамэ логика включает в себя три части или стороны: природа, искусство и упражнение разума. Природная сторона логики обнаруживается в естественной способности человека к разуму (размышлять); искусство – это совокупность правил, которые надо соблюдать, чтобы правильно применить эту способность; упражнение разума – это методическая практика этих правил с целью внедрения их. И эти три части взаимосвязаны.

Позже эти же три раздела получили названия *inventio* (нахождение), *dispositio* (диспозиция) и *exercitatio* (упражнение). В итоге вместо трех частей получилось две, причем раздел о диспозиции включил в себя и раздел об упражнениях.

Первая книга «Диалектики», «Нахождение», разъясняет отдельные части, составляющие каждое предложение. Вторая книга, или «Суждение», показывает способы и виды диспозиции (расположения) ранее определенных частей. Эта последняя часть разделена последовательно на высказывание, силлогизм и метод. Все разделения и подразделения книги заканчиваются заключительными речами.

Введение к «Диалектике» содержит маленький биографический очерк Рамэ, а также краткий исторический анализ развития логики. Здесь Рамэ обращается с благодарностью к кардиналу Карлу Лотарингскому, которому он посвящает это произведение и который также является его спасителем от перипатетических и сорбонских преследований.

Первая книга или «О нахождении»

Первая книга «Диалектики» начинается с определения диалектики или логики как искусства правильно дискутировать. Далее говорится об ее значении по аналогии со значением грамматики или искусства правильно говорить. «Как мы обучаемся в наши молодые годы грамматике, – пишет Рамэ, – чтобы правильно говорить, поскольку посредством

нее мы познаем чистоту дикции и композицию речи и посредством нее также познаем противоположное, то есть варваризм и солецизм, таким же образом мы должны обучать Диалектике, чтобы правильно дискутировать, потому что она нам освещает истину и, следовательно, ложность результатов деятельности всякого разума, которые либо необходимы – если это наука, либо случайны, то есть могут быть и не быть, – если это мнение»¹.

За этими словами следует критика разделения логики Аристотелем на логику науки и логику мнения. Диалектика является, по словам Рамэ, единым учением для отражения всех вещей, будь они необходимые или случайные, «как зрение является единым для отражения всех цветов, и неизменных, и изменяющихся»².

Выше было отмечено, что «Диалектика» Рамэ имеет две части, из которых «первая освещает отдельные части, составляющие всякое предложение. Вторая показывает способы и виды расположения их»³.

Предложение – это некое целое, составленное из частей или терминов. Для иллюстрации Рамэ приводит такой пример предложения: «Огонь горит». «Огонь» и «горит» являются терминами. Они также называются по-другому «loci», или «торо», а Рамэ предпочитает для них слово «аргумент». Эти аргументы занимают определенные места в предложении в соответствии с их природой и тем самым представляют некую структурную связь.

Первая задача диалектики, или задача «нахождения», состоит как раз в поиске связи, соединяющей два аргумента. Иными словами, значение «нахождения» заключается в том, чтобы, имея некие аргументы, исходя из их природы, мы могли бы составить либо истинное, либо ложное, либо необходимое, либо вероятное высказывания. Достижение такой цели возможно лишь со знанием этих аргументов. Поэтому диалектика или логика начинается с рассмотрения природы всех возможных аргументов, с раскрытия их определений и выявления их отношений между собой.

Среди историков имеются разные трактовки количества «мест» или аргументов в учении Рамэ о нахождении.

Так, по словам Думитрива А., у Рамэ имеются десять аргументов в учении о нахождении: причина, следствие, предмет, признак, противоположное, сравнительная степень, имя, деление, определение, свидетельство. У Попова и Стяжкина же отмечаются девять: то есть повторяется то, что есть у Думитрива, кроме последнего аргумента (свидетельства).

¹ Dassonville M. *Dialectique*. 1555 – Pierre lie la Ramée. Edition critique avec introduction, notes et commentaires. Geneve, 1964. P. 61–62.

² Там же. С. 62.

³ Там же.

Но более тщательный анализ «Диалектики» представляет иную, дихотомическую, картину.

На самом деле у Рамэ аргумент есть либо искусственный, либо не искусственный⁴. Искусственный бывает либо первичным, либо происходящим из первичного. Первичных, или, иначе говоря, простых аргументов, по словам самого Рамэ, – по количеству – четыре. В порядке перечисления они следующие: причина и следствие, субъект и предикат, противоположные и, наконец, сравнимые.

Здесь характерен тот факт, что Рамэ говорит о наличии четырех видов первичных аргументов. Но в перечислении их они идут попарно, и тем самым, получается:

- причина и следствие = 2 аргумента;

- субъект и предикат = 2 аргумента;

- противоположные (как мы увидим позже, они также идут в паре) = 2 аргумента;

- сравнимые (так же как противоположенные) = 2 аргумента.

Итого у нас получается 8 аргументов первичных. Но если взять их наименования, то мы имеем здесь лишь 6 видов аргументов, так как противоположные и сравнимые лишь повторяются, если учитывать уровень деления, или дихотомического дерева, о котором идет речь (то есть уровень -3-). Таким образом, в одном предложении оба аргумента именуются в одном случае противоположными, в другом случае – сравнимыми. Другая картина вырисовывается с аргументами причины и следствия, а также субъекта и предиката. Здесь если в одном предложении один аргумент называется причиной, то он связывается со своим след-

⁴ Здесь Рамэ употребляет французские понятия «artificiel» и «inartificiel», которые переводятся по-русски соответственно как: «искусственный» и «неискусственный». Такой перевод, конечно, по содержанию противоречив, так как искусственный – это нечто производное, или вторичное, в то время как у Рамэ искусственным называется первичный, или еще простой, аргумент. Подходящее к данному контексту понятие «первичный», или «простой», является понятием «естественный», который переводится по-французски как «naturel». Однако Рамэ его не использует. По нашему мнению, предпочтение понятий «искусственный» и «неискусственный» ассоциируется с понятием «искусство» (т.е. «art»). Тем самым он хотел подчеркнуть связь аргументов с искусством диалектики. Иными словами, искусство диалектики, или, точнее, нахождения, имеет свои определенные элементы – так называемые аргументы. И, соответственно, эти аргументы носят его характер, который и есть искусственный.

Кроме того, искусственные аргументы носят интуитивный характер, исходя из того, как они воспринимаются, так же обстоит дело с нахождением как первой части диалектики, предполагающей отражать непосредственную связь между вещами. По этой причине мы сохранили перевод понятия «artificiel» как «искусственный».

ствием, или, наоборот, если мы имеем субъект, то второй аргумент предложения будет называться предикатом, и наоборот.

Но Рамэ, говоря о числе четыре, как нам кажется, обращает внимание больше всего не на пары аргументов, а на связь, характеризующую их. В самом деле, несмотря на то, что «Нахождение» лишь трактует о видах аргументов, оно уже косвенно выявляет структуру предложения, или высказывания. При этом акцент делается на отношении терминов предложения, а не на сами термины или аргументы. Можно говорить о наличии элементов логики отношений в логическом учении Рамэ. К сожалению, эта логика отношений у Рамэ не развита.

Остановимся на паре аргументов причины и следствия. Причина – это первый аргумент и самый совершенный. По определению Рамэ, причина – это то, от чего происходит некоторое следствие. Следствие же – это все, что происходит из причин. Причина идет вместе со следствием. Следствие позволяет подниматься до причины; но не всегда. Причина превосходит следствие, так как из нее следствие обязательно вытекает. Из причины и следствия вытекает отношение причинности, а из субъекта и предиката – отношение атрибутивности и т.д. В итоге с четырьмя парами аргументов мы имеем четыре вида отношения между аргументами. Характер же определенного типа отношения или связи зависит от составляющих его аргументов.

Кажется, что Рамэ корректнее было бы говорить, что «первичное является простым и не происходит из другого и у него четыре вида: причинность, атрибутивность, противоположность, сравнение». Но Рамэ перечисляет эти аргументы следующим образом: причина и следствие, субъект и предикат, противоположные и, наконец, сравнимые. Далее эти аргументы рассматриваются отдельно так же, как анализируются термины в традиционной теории о понятии. В такой трактовке отношения между аргументами лишь предполагаются, и они будут устанавливаться в теории суждения, во второй части диалектики.

После перечисления пар аргументов следует поочередное определение всех членов аргументов с перечислением их дальнейших видов. Все определения сопровождаются примерами из произведений таких авторов, как Цицерона, Вергилия, Овидия.

Итак, причина подразделяется на цель (причина, для которой некоторая вещь сделана); форму (причина, по которой вещь есть то, что она есть, и отличается от всех других вещей); действующую причину (причина, благодаря которой вещь сделана) и материю (причина, из которой вещь сделана).

У Рамэ дихотомическое деление аргументов развивается неодинаково, так как если цель, форма и материя не имеют подразделений или подвидов, то действующая причина подразделяется по одному признаку на производящую (та, которая прежде всего производит вещь) и сохра-

нящую (та, которая сохраняет вещь в своем состоянии); по второму признаку на самостоятельную (та, которая в одиночку передает эффект, как огонь передает жару) и действующую совместно (разделяющуюся на основную и вспомогательную) и, наконец, по третьему признаку на действующую сама по себе (делится на действующую по указанию и по природе) и случайно (случайно делится на действующую по необходимости и по воле судьбы).

Следствие – это все, что происходит из причин, или то, что является предназначением каждой вещи.

После анализа пары причины и следствия Рамэ переходит к рассмотрению пары, составленную субъектом и предикатом. «Субъект – это то, к чему некая вещь причислена. Так, душа – это субъект науки, невежества, добродетели, порока»⁵. Предикат – это вещь, причисленная к субъекту. Например: смех присущ человеку, ржание – лошади, лай – собаке.

Далее рассматривается первичный аргумент» под рубрикой «противоположные». «Это те аргументы, которые реально не могут быть применены к одной и той же вещи, в той же степени, в том же отношении, в том же аспекте, в том же времени»⁶. Например: «Сократ не может быть черным и белым в том же качестве, отцом и сыном в том же отношении, богатым и бедным в том же количестве, здоровым и больным одновременно; но может быть белым с одной стороны и черным с другой, отцом одного и сыном другого, богатым надеждой и бедным действием, здоровым сегодня и завтра больным»⁷. Противоположные подразделяются на противные и несовместимые. В свою очередь, противные бывают либо утвердительным, либо отрицательным.

Утвердительные противные бывают относительными или противостоящими. Относительные противные – это те, которые имеют общую сущность, как, например: отец – это тот, у которого есть сын, и сын – тот, у которого есть отец. Противостоящими же являются те, сущность которых противоположна, как белый и черный. Белый – это разделяющий цвет зрения, черный – соединяющий цвет зрения.

«Отрицательные противные – это те, среди которых одно содержит отрицание другого. Они бывают содержащими лишенность и противоречащими. Содержащие лишенность – это отрицательные противные, одно из которых есть навык, другое – лишение навыка; так, зрение – это навык, а слепота – лишение этого навыка в человеке или в другом живом организме, способном к зрению и слепоте, так как, естественно, не-

⁵ Dassonville M. *Dialectique*. 1555 – Pierre lie la Ramée. Edition critique avec introduction, notes et commentaires. Genève, 1964. P. 73.

⁶ Там же. С. 76.

⁷ Там же.

возможно говорить о вещи то, что она слепая, если по природе своей она не может видеть»⁸.

Противоречащими же являются отрицательные противные, одно из которых утверждает, а другое отрицает одно и то же. Как, например: правильный – неправильный; он любит – он не любит.

«Несовместимые, – пишет Рамэ, – это различные противоположные, соотносящиеся не как один к одному, как, например, бывают противные, но как один к нескольким. Между двумя противными иногда есть некоторый промежуток. Однако этот промежуток им непротивный, но несовместимый: так зеленый, серый, красный есть между черным и белым, каждый из которых является несовместимым в крайностях и между собой»⁹.

Сравнимые бывают сравнимыми по количеству и по качеству. В свою очередь, сравнимые по количеству бывают равными и неравными. Равные – это вещи с одним и тем же количеством. Неравные бывают больше или меньше.

Сравнение по качеству бывает в виде подобных и неподобных. «Подобные – это те, которые имеют одно и то же качество. Неподобные – это те, качество которых разное, они также называются различными, наподобие того, как несходство и различие принимаются как одно.

После рассмотрения первичных аргументов в первой книге *«Диалектики»* описываются «вторичные» искусственные аргументы, или аргументы, которые исходят от первичных. Это следующие: имя, дистрибуция и определение.

В рассматриваемой схеме основание имени – это когда некоторая причина выведена из имени как именование, словообразование. Именование, или, словами Рамэ: «Нотация – это интерпретация имени, так как причина всех производных и сложных имен может быть выражена первичными аргументами, как, например: смелый – полный смелости; убийца – тот, кто убил некоторого человека»¹⁰.

Словообразование же – это варьирование имени, как, например, справедливость, справедливый, справедливо.

«Дистрибуция, – пишет Рамэ, – это разделение целого на отдельные части, которые по отношению к целому являются либо причинами, либо следствиями, либо субъектами, либо предикатами, так как в дистрибуции не рассматривают ни противоположность, ни сравнение»¹¹. Таким образом, дистрибуция связана лишь с двумя первыми парами первичных аргументов, и, соответственно, имеются дистрибуция по причинам, следствиям, субъектам и предикатам.

⁸ Там же. С. 78.

⁹ Там же. С. 79.

¹⁰ *Dassonville M. Dialectique. 1555 – Pierre lie la Ramée.* Там же. С. 88.

¹¹ Там же. С. 89.

В качестве примера первого вида дистрибуции, то есть дистрибуция по причинам, составляющим целое, Рамэ цитирует Аристотеля. Последний в пятой книге *«Метафизики»* говорит, что всякая вещь состоит из своих причин. Например, природа человеческой души тройственная: вегетативная, чувствительная, разумная; из этих причин составлена сущность нашей души. Далее, отмечает Рамэ, эта дистрибуция определена Платоном как деление на целое и части.

Второй вид дистрибуции – это дистрибуция по следствиям. Здесь говорится о роде и виде. Рамэ определяет род как множество вещей, сходных по сущности, или сходная сущность во многих вещах. Вид же – это часть рода. Далее, уточняет Рамэ, дистрибуция рода по своим видам точно названа делением и является совершенной.

Третий вид дистрибуции – это дистрибуция по субъектам, когда целое является предикатом, части являются его субъектами.

И, наконец, четвертый вид дистрибуции – дистрибуция по обстоятельствам (или предикатам), когда целое – это субъект, а части – это обстоятельства, например, в людях: одни здоровые, другие больные; одни богатые, другие бедные.

Завершая речь о дистрибуциях, Рамэ делает следующее замечание: третья дистрибуция повторяет первую в некоторых деталях, а четвертая сходна со второй. Однако ни те, ни другие не являются поистине целым и частью, так как предикаты могут существовать отдельно от своих субъектов. Но из-за отсутствия наилучших дистрибуций эти иногда употребляются. «Об этом у Аристотеля есть некоторые суждения, собранные вместе, но мало совместимые между собой»¹².

Определение – это сущностное объяснение того, что есть предмет. Определение подразделяется на совершенное и несовершенное (т.е. описание). «Совершенное определение – это определение, состоящее из причин, составляющих сущность, т.е. все причины, которые включены в род и в форму; таким образом, например, человек определен как разумное животное, поскольку по роду “животное” мы понимаем, как говорится, “телесную сущность, полную жизни и чувства, которая является материей человека и частью формы, к которой если ты добавляешь “разумность”, ты поймешь всю форму со способностью к жизни, с чувством и разумом; форма, которая также является действующей, знанием, сохраняющим состояние образованной вещи»¹³.

Описание – определение, составленное также из других аргументов. Но, в отличие от совершенного определения, здесь особое обстоятельство связано не с причиной, составляющей сущность, а просто с некото-

¹² Dassonville M. *Dialectique*. 1555 – Pierre lie la Ramee. Edition critique avec introduction, notes et commentaires. Genève, 1964. P. 94.

¹³ Там же.

рой причиной. Кроме того, здесь последовательность и краткость не обязательны, и часто и вещь, и слушатель требуют объяснения более иллюстрированного и славного.

После рассмотрения искусственных аргументов Рамэ переходит к анализу неискусственных аргументов. Он определяет последние как аргументы, которые по себе и по своей силе не считаются подлинными. Они также называются авторитетами или свидетельствами. Их пять: закон, показание, соглашение, допрос и клятва.

Эти виды аргументов мало описаны по сравнению с искусственными аргументами. Рамэ не дает определение аргумента «закон» и сразу переходит к его примеру, взятому у Цицерона из речи «*В защиту Милона*»¹⁴. О показаниях Рамэ говорит лишь, что они являются божественными или человеческими. Оракулы и предсказания являются примерами божественных показаний. Суждения поэтов и выдающихся людей являются человеческими показаниями. Нет также определения аргумента «соглашение», а лишь пример, найденный у Цицерона в пятой «*Филиппике*». Допрос, пишет Рамэ, – это когда некоторое признание получено посредством пытки и насилия. Таким, например, были данные допросов *против Милона*, над которыми Цицерон издевался: «Посмотрим, впрочем, что это был за допрос и как он происходил. “Ну, – скажем, – ты, Руфион! Не вздумай лгать. Устроил Клодий засаду Милону?” – “Устроил”. – Конечно, накрест. “Не устраивал”. – Вожденная свобода»¹⁵.

Итак, у Рамэ предложения составлены из аргументов, занимающих определенные места в соответствии со связью между собой. Элементы предложения не всегда однородны, то есть в то же время та же вещь может быть причиной и следствием, субъектом и предикатом и всем остальным; так, например, человек создан своими причинами, но также он создает и другие вещи, однако определение и основание каждого аргумента отличны и несходны.

Нахождение заключается в поиске связи, которая соединяет два термина. Оно не создает эту связь, а лишь ее находит. И это происходит не как в теории идей Платона, где бессмертная душа вспоминает о ранее познанных абсолютных вещах. Здесь Рамэ больше разделяет мнение Аристотеля, высказанное во второй книге «*Доказательства*»¹⁶ о том, что дух человека не принес в наши тела, как сказал Сократ, знание обо всех вещах, но дал лишь способность и возможность их познать, как наши глаза приносят с собой из материнского чрева не виды цветов, а лишь способность их видеть.

¹⁴ Цицерон. В защиту Тита Аппия Милона. III-9 // Речи. Т. I. М., 1993. С. 223.

¹⁵ Там же. XXII-60. С. 239.

¹⁶ См.: Вторая аналитика. I, 1, 71 а 25, а также: Вторая аналитика. I, 2, 71b 7.

Таким образом, для Рамэ первые задачи диалектики отражают тот факт, что дух имеет естественную способность познавать всякие вещи, когда он будет направлен и настроен их понимать. Иными словами, с помощью определений аргументов дух находит все возможные связи, отношения между терминами.

Но чаще всего нахождение этого отношения возможно лишь через третий термин, который связывается с каждым термином определенным отношением. Вмешательство третьего термина и логическая операция, связанная с ним, и есть суждение, или второй шаг диалектики. Отсюда и вторая задача диалектики: перечислить все возможные отношения между высказываниями.

Рамус в целом ставит на первое место нахождение как активный, положительный процесс в познании. Роли суждения и силлогизма немного снижены. Они заключаются лишь в прояснении и толковании.

Вторая книга, или « О суждении »

Высказывание

Высказывание, или «enonciation», – это структура двух терминов, связанных между собой определенным образом. Эти термины у Рамэ носят названия антецедента и консеквента. Вернемся к примеру, который Рамэ излагает в «Диалектике»: «огонь горит». Здесь в качестве антецедента у нас «огонь» и как консеквент – «горит». Иными словами, Рамэ отказывается от применения понятий субъекта и атрибута, имеющихся в традиционной логике.

Это нововведение стало поводом для многих толкований. Сам же Рамэ объясняет отказ от аристотелевских понятий тем, что они двусмысленны и тем самым вносят путаницу в понимание¹⁷. В самом деле, в учении Рамэ понятия субъекта и атрибута занимают определенное место среди многих других первичных аргументов. Одним словом, они представляют лишь одну из возможных дихотомических пар аргументов. Для выражения же общего характера аргументов или терминов, как раз и подходят «чистые» понятия антецедента и консеквента.

Рассмотрим следующие примеры:

«Огонь горит.

Огонь горячий.

Огонь – не вода»¹⁸.

В первом примере антецедент является причиной, а консеквент играет роль следствия. Во втором примере антецедент выступает в качестве субъекта, и, соответственно, консеквент является предикатом.

¹⁷ Dassonville M. Dialectique. 1555 – Pierre lie la Ramée. Edition critique avec introduction, notes et commentaires. Genève, 1964. P. 28.

¹⁸ Dassonville M. Dialectique. 1555 – Pierre lie la Ramée. Edition critique avec introduction. notes et commentaires. Genève, 1964. P. 115.

Наконец, в третьем примере мы имеем антецедент и консеквент как противоположные.

Здесь как раз в теории высказываний Рамэ зарисовывается начало направления с элементами логики отношений, о которых мы выше говорили. И само произведение «Диалектика» признано Шарлем Серрюсом¹⁹ шагом к логике отношений. К этому выводу приходит и Ж. Жамарт²⁰.

В самом деле, антецедент и консеквент связаны между собой отношением. Пусть a и b – термины высказывания и R – связь или отношение; мы будем читать: aRb . Утверждение высказывания – это когда утверждается отношение; отрицание его – когда отрицается отношение. Таким образом, у нас образуется модель, которая достаточно просто переводится на язык современной логики отношений.

Как было отмечено, отношение атрибутивности лишь одно из многих возможных отношений между двумя терминами. Рамэ же трактует высказывание, расширяя ту модель, которая присутствовала у Аристотеля. Термины могут связываться также по отношениям причинности, атрибутивности, противоположности, сравнения, эквивалентности или дистрибутивности.

Далее, высказывание бывает утвердительным или отрицательным, подразделяется на простое и сложное. Затем Рамэ подразделяет простое высказывание на общее и собственное. Он понимает общее высказывание как то высказывание, части которого присущи многим индивидам. И как таковое оно либо всеобщее (то, что обычно называется «общим высказыванием»), как, например: «Всякая добродетель – полюбовна»; либо оно особенное (то, что обычно называется частным высказыванием), как, например:

«Некоторая добродетель – полюбовна».

«Некоторая добродетель – не полюбовна».

Собственное высказывание – относится лишь к одному индивиду. Это то, что обычно называется «единичным высказыванием». Например:

«Платон – философ».

«Платон – не философ».

Сложное высказывание состоит из многих простых высказываний, связанных, и связь уже является не глаголом, а союзом. От качества союза зависит и качества сложного высказывания. Сложное высказывание бывает четырех видов: копулятивное, относительное, условное и разделительное.

Копулятивное высказывание – это сложное высказывание, связь между частями которого является союзом *и*, как, например:

¹⁹ *Serrus Charles*. Traite de logique. P. 153.

²⁰ *Jamart G*. Logique. mathematique et ontologie: la Ramée precurseur de Descartes // Les études philosophiques – «Descartes». PUF. № 1–2. 1996. P. 17–28.

«Человек мудрый и добродетельный». Следовательно, отрицание будет:

«Человек не есть мудрый и добродетельный».

Относительное высказывание является сложным высказыванием, связь между частями которого является *отношением*, как, например:

«Человек настолько богат, насколько он хочет». Следовательно, отрицание будет: «Человек не настолько богат, как он хотел бы».

В этом примере мы имеем качественное отношение. Оно может быть также сущностным, как в следующих понятиях: *тот, который...* – или количественным: *столько... сколько*. Есть также отношение места: *где... там* – и также отношение времени: *в то время как...*

Условное высказывание – это сложное высказывание, связь между частями которого является союзом *если... то*, как, например:

«Если человек – знающий, то он справедливый». Здесь аналогично, чтобы отрицать высказывание, надо отрицать связь:

«Если человек – знающий, он, однако, несправедливый».

И, наконец, дизъюнктивное высказывание – это сложное высказывание, связь между частями которого является союзом *или*, как, например:

«Наступил день или ночь». Следовательно, отрицание будет:

«Не наступил день или ночь».

В отличие от других видов сложных высказываний, вид дизъюнктивных высказываний подробно анализируется Рамэ. Так, дизъюнкция подразделяется на простую и сложную, в зависимости от частей, составляющих ее. Таким образом, простая дизъюнкция – это когда части простые и она будет трояка: всеобщая, частная и особая.

Всеобщая дизъюнкция (названная Аристотелем контрарностью высказывания) – это когда части являются всеобщими высказываниями и дизъюнкция здесь не является абсолютно истинной, если одна из частей не необходима, как, например:

«Всякий лев – зверь, или всякий лев – человек». Иначе говоря, части могут быть ложными вместе, как в случайных вещах, например:

«Всякий человек – справедливый, или ни один человек – не справедливый».

Частная дизъюнкция – это когда одна из частей является всеобщей, а другая – частной и эта дизъюнкция является абсолютно истинной, когда она состоит из противоположных без промежутка, как, например:

«Всякий человек – здоров, или некоторый человек больной».

«Всякий человек видит ясно, или некоторый человек – слепой».

«Всякий человек – мудрый, или некоторый человек – немудрый».

Особая дизъюнкция – это когда ее части являются особыми высказываниями, как, например:

«Платон – философ, или Платон – не философ».

Эти два последних вида – дизъюнкции, или противоположности, отмечает Рамэ, названы Аристотелем противоречиями, которые, однако, могут образоваться не только из противоречащих, но и из различных противоположных без промежутка.

Сложная дизъюнкция, пишет Рамэ, – это когда части являются сложными высказываниями и она не образуется иначе как через утверждение и отрицание, *i.e.*, через противоречие. Имеются следующие дизъюнкции:

- дизъюнкция копулятивных частей:

«Человек – мудрый и добродетельный, или человек не является мудрым и, добродетельным»;

- дизъюнкция относительных частей:

«Человек – такой, каким он хочет быть, или человек не такой, каким он хочет быть»;

- дизъюнкция условных частей:

«Если человек – мудрый, то он добродетельный, или человек – мудрый, но он все-таки не добродетельный»;

- дизъюнкция дизъюнктивных частей:

«Наступил день или ночь, или не наступил день или ночь».

На этих примерах, подчеркивает Рамэ, мы видим, что части являются противоположными без промежутка, в противном случае дизъюнкция не будет абсолютно истинной, если только не по предположению²¹. Таким образом, если мы предположим, что Сократ должен прийти один, или же только один Клеон, а не двое вместе, то тогда можно спрашивать:

«Клеон или Сократ пришел?» Следовательно, всякая абсолютно истинная дизъюнкция является также необходимой, и одна из ее частей истинна, а другая ложна.

О силлогизме

Различные течения в диалектике во многом отличались друг от друга по тому, какое значение они придавали силлогизму. Одни, например, ограничиваясь дискуссиями о фигурах и модусах силлогизма, доходили до исключения силлогизма из логики. «Рамисты силлогизм считают как бы “вторым суждением” между высказыванием и методом»²². Силлогизм – это не нахождение. Он лишь проясняет отношения терминов или аргументов, ранее непонятные.

Мы прибегаем к силлогизму, когда перед нами стоит некое высказывание, структура элементов или терминов которого нам непосредственно не понятна. Для уяснения сути высказывания мы превращаем это

²¹ *Dassonville M.* *Dialectique*. 1555 – Pierre le la Ramée. Edition critique avec introduction, notes et commentaires. Genève, 1964. P. 122.

²² *Robinet A.* Le référent «Dialectique» dans les *Regulae* // *Les études philosophiques* – «Descartes». PUF. № 1–2. 1996. P. 5.

высказывание в вопрос и, оперируя, таким образом, посредством искусства нахождения, находим средний аргумент, связывающий оба термина вопроса.

В этом смысле силлогизм, по словам Рамэ, уже у Аристотеля носит характер, говоря современным языком, математического исчисления.

Силлогизм у Рамэ делится на простой и сложный. Пример простого силлогизма:

Всякая похвальная вещь – почтенная.

Всякая правильная вещь – похвальная.

Следовательно, всякая правильная вещь – почтенная.

Рамэ вслед за Аристотелем перечисляет и рассматривает только три фигуры простого силлогизма, который он называет *видами* силлогизма (а их подразделения, т.е. модусы, *способами*).

Первая фигура, или первый вид, – это тот вид, в котором средний аргумент является антецедентом *пропозиции*²³, консеквентом *ассомпции*²⁴. Этот вид имеет шесть способов.

В логистике Рамэ вводил модусы с единичными терминами, по два в каждой фигуре. Поэтому вместо четырех обычных модусов первой фигуры у него получается шесть. Примеры пятого и шестого модусов, то есть модусов с единичными терминами, соответственно, следующие:

Октавиан – наследник Цезаря.

Я – Октавиан.

Я, следовательно, наследник Цезаря.

Антоний не является сыном Цезаря.

Ты – Антоний.

Ты, следовательно, не являешься сыном Цезаря.

Второй вид – тот, в котором средний аргумент является консеквентом пропозиции и ассомпции. Он также имеет шесть способов, и среди них пятый и шестой являются силлогизмами с единичными терминами.

Третий вид – тот, в котором средний аргумент является антецедентом в пропозиции и ассомпции. Он превосходит два первых вида на два способа, то есть имеет восемь модусов.

Перед тем как перейти к рассмотрению сложных силлогизмов, нужно отметить тот факт, что, говоря о простых силлогизмах, Рамэ не подчеркивает характер или специфику этого вида умозаключения, заключающуюся в том, что в составе силлогизма имеются именно две посылки (то, что он называет пропозицией и ассомпцией), и одно заключение, то есть не больше и не меньше.

²³ То есть большая посылка.

²⁴ То есть меньшая посылка.

Сложный силлогизм, по пониманию Рамэ, состоит из двух частей вопроса, и в каждой из них имеется аргумент пропозиции. Такое толкование, как нам кажется, ничем не отличается от определения простых силлогизмов. В традиционной логике в качестве сложных силлогизмов приняты те, которые состоят из двух, трех или большего числа простых силлогизмов. Анализ «Диалектики» Рамэ показывает, что для него простой силлогизм – это не что иное, как силлогизм, где части или посылки имеют один и тот же союз, как, например, категорические силлогизмы. Сложный же силлогизм, как он говорит, делится на условный и дизъюнктивный. И они сложны постольку, поскольку в них встречаются разные логические союзы.

Условный силлогизм, пишет он, – это силлогизм, пропозиция которого утвердительная условная. У него четыре способа.

Первый условный способ повторяет антецедент и заключает консеквентом. В качестве примера первого условного модуса Рамэ цитирует Цицерона из второй книги «Дивинации».

«Если Боги существуют, дивинация есть.

Ведь боги существуют.

Следовательно, дивинация есть»²⁵.

Как показывает этот пример, здесь имеется в виду так называемое условно-категорическое умозаключение, то есть (простое по традиции) дедуктивное умозаключение, в котором одна из посылок – условное суждение, а другая – простое категорическое суждение. Кроме того, условно-категорический силлогизм, как известно, имеет два правильных модуса, дающих заключение, с необходимостью следующее из посылок и два вероятностных модуса. Только что рассмотренный пример и есть общеизвестный правильный модус утверждающий, или *modus ponens*.

Второй условный способ отражает отрицание консеквента и заключает противоречием антецеденту. Этот способ является вторым правильным модусом, но отрицающим, так называемым *modus tollens*.

Эти два способа силлогизма встречаются и у Аристотеля. К ним Рамэ прибавляет еще два условных способа, встречаемых у Теофраста и Евдема. В них антецедент отвергнут и консеквент утверждён. На самом деле речь идет здесь о двух вероятностных модусах, не дающих достоверного заключения. Так и получается третий условный способ, который повторяет противоречие антецеденту и заключает противоречием консеквенту, как, например:

Если троянцы приехали в Лаций вопреки твоей воле, то они наказуемы.

Но ведь они не приехали без твоей воли, а следуя воле манов.

Следовательно, они не наказуемы.

²⁵ Цицерон. О Дивинации. II, XLIX // Цицерон. Философские трактаты. М., 1985.

И, наконец, четвертый условный способ, где повторяется консеквент и заключается антецедентом.

После рассмотрения четырех способов сложного условного силлогизма Рамэ переходит к анализу простых силлогизмов с условными частями. Здесь мы встречаем примеры, напоминающие сложные (в терминологии Рамэ) условные силлогизмы, как, например:

Если происходит некоторая желанная вещь, то она приятна.

Моя милая, ты возвращаешь ко мне желания.

Ты мне, следовательно, приятна.

Этот вывод следует по первой фигуре простого категорического силлогизма. У Рамэ имеются и примеры простого силлогизма с условными частями, построенные по второй фигуре простого категорического силлогизма, как, например:

Если некоторая вещь – человек, то она – животное.

Камень – не животное.

Камень, следовательно, не человек.

И, наконец, рассматривается силлогизм, названный в традиционной логике простым чисто условным, то есть случай силлогизма, когда все части условные и заключение получается по фигуре простого силлогизма, как, например:

Если он честный, он похвальный.

Если он несправедливый, он непохвальный.

Следовательно, если он несправедливый, то он нечестный.

Переходим к анализу дизъюнктивного силлогизма. Здесь, по словам Рамэ, речь идет о силлогизме, у которого утвердительная дизъюнктивная пропозиция. Он имеет два способа. Первый дизъюнктивный способ повторяет одну часть дизъюнкции и заключается противоречием другой ее части (в традиционной логике – это модус *ponendo tollens*).

Второй дизъюнктивный способ повторяет противоречие одной части дизъюнкции и заключает другой ее частью (то есть *tollendo ponens*).

Допускается также, что частей дизъюнктивной пропозиции может быть больше чем две. Однако искусство заключать и рассуждать будет одинаковым.

Наряду с полными силлогизмами, в «Диалектике» Рамэ рассматривает и примеры энтемем, или сокращенных категорических силлогизмов.

О методе

До появления и закрепления понятия метода у Рамэ такие мыслители, как Фичино, Агрикола и другие рамисты, для того, чтобы выразить эту особенность мышления, говорили о естественном свете разума. Но с появлением термина «метод» во многих сферах стали применять понятие метода: метод изобретения, метод суждения, и не без путаницы между смыслами понятий метода и порядка.

По мнению Дассонвилля, говоря о «*Диалектике*», нужно отметить, что «из всего произведения самая оригинальная часть, самая новая – это та, которая трактует о методе»²⁶. Рамистское толкование метода во многом объясняет, почему Рамэ отвергал схоластическую логику или, точнее, схоластическую педагогику. Из-за практиковавшегося тогда метода схоластическая логика оказывалась слишком трудным предметом для преподавания и усвоения учениками, поэтому не только ученики в результате ее преподавания ничего не получали, но и учителя не понимали значения преподаваемого искусства.

По существу, Рамэ определяет метод как некое расположение вещей по порядку в зависимости от их природы, а точнее, от их сложности. Бывает *метод природы и метод здравого смысла*.

Метод природы – это метод, по которому вначале ставится абсолютно очевидное и явное. Так, например, в обучении следует исходить из самого простого, самого очевидного, так как из всех вещей самые простые усваиваются даже самыми слабыми умами. Здесь самое очевидное и явное идентифицируется с самым общим и универсальным.

И соответственно, Рамэ говорит, что этот метод, который также назван методом искусства, поскольку его применение можно обнаружить в истории искусств и доктрин, был одобрен всеми древними мыслителями, такими, как Гиппократ, Платон и Аристотель.

Далее Рамэ говорит, что «этот метод применяется не только в области искусств и доктрин, но и во всех вещах, которые мы собираемся преподавать просто и ясно. И, следовательно, он общий для ораторов, поэтов и всех писателей»²⁷.

Метод здравого смысла касается вещей, которые вытекают не из целого и которые не являются явными, но, однако, более подходят тому, кого надо обучать, и более способны его ввести [...] куда мы предполагаем. Он был назван ораторами диспозицией здравого смысла, потому что его суть в здравом смысле человека, нежели в искусстве и правилах доктрины, как если бы метод природы был суждением науки, а метод здравого смысла был бы суждением мнения. Однако, пишет Рамэ, этот метод соблюдался философами, поэтами и ораторами. Аристотель им пользуется в восьмой книге «*Топики*» и в первой книге «*О софистических опровержениях*», используя многие предостережения, которые в целом являются следующими: начинать в середине, и никогда не объявлять в начале о своем деле, и не выводить его части; искать в глубине средства и antecedенты нашего ожидаемого результата, и это принципиально, посредством сходства и параболы и далее рассматривать их

²⁶ Dassonville M. La genèse et les principes de la «Dialectique» de Pierre de la Ramée // Revue de l'Université d'Ottawa. 1953. Т. 23. P. 333.

²⁷ Dassonville M. Dialectique. 1555 – Pierre de la Ramée. Edition critique avec introduction, notes et commentaires. Geneve, 1964. P. 147.

немедля, если наше дело является неосторожным, — все это поскольку такие ума подаются немедленно захвату врасплох. Если этот человек — хитрый²⁸ и пронизательный, нельзя ему открыто показать наши аргументы один за другим, а следует их менять, перемещать, легкомыслить, превратить противоположное, снова овладеть собой, не показать никакой мысли об этом, сказать, что это вульгарная и привычная вещь, торопиться, сердиться, спорить, применять большую смелость и в конце концов открыться и поставить ловушку так, чтобы удивленный противник сказал: «К чему это склоняется?»

Обобщающая характеристика метода Рамэ имеется у Дассонвилля, который пишет о том, что «первая цель метода — быть применимым и полезным: полезным тому, кто учит, полезным также тем, кто изучает трудное искусство мышления. Он стремится внедрить в практику знания, которые наши природные способности приобрели через теоретическое учение логического искусства»²⁹.

Рамэ прославился тем, что критиковал логику Аристотеля в том якобы, что она не служит своей цели — доказательству. Рамэ на самом деле не является абсолютным противником Аристотеля, отчасти он является его последователем. Здесь также следует остановиться и подчеркнуть, что методы Аристотеля и Рамэ сходны. Объектом критики Рамэ является схоластическая логика, которая превратила логику в «игру школьников». И несмотря на то, что у Рамэ один метод доказывает, а другой убеждает, то есть первый более логический, а второй более диалектический, в целом — это то же самое, что в «*Аналитиках*» и в «*Топике*» Аристотеля.

Разница между этими двумя логиками лишь в том, что Рамэ применяет и призывает брать примеры не только из философии, но и из риторики. Как отмечает Дассонвилль, это хороший способ учить ученика рассуждать по-своему, показывая ему, как ораторы, поэты и философы рассуждали. Однако изобилие ораторских, поэтических примеров не должно превратить диалектику в риторику.

Имеются разные толкования понимания Рамэ отношения между диалектикой и риторикой. «*Диалектика*» как учебник содержит много иллюстрационных примеров. Большинство этих примеров взяты из речей риториков и поэтов. Из-за этого изобилия риторических и поэтических примеров многие исследователи, в том числе Норман, делают вывод о том, что у Рамэ логика, риторика и поэзия перемешаны.

Но, в сущности, как утверждает сам Рамэ, общим между логикой и риторикой является лишь метод. «Никакой доктрины высказывания и

²⁸ «Cault».

²⁹ Там же.

силлогизма, – пишет он, – не преподается в риторике, в ней лишь отмечается метод»³⁰.

В определении логики Рамус отличается от своих современников-гуманистов Агриколы, Штурма и Меланхтона – тем, что последние, как и Аристотель и Цицерон, присваивали диалектике значение «искусства вероятности» и ее учение об истине, ее критерии очевидности, ее научное значение для них имели вторичное значение. В то время как для Рамуса диалектика или логика должна позволить человеческому разуму найти средства определения истины и достижения очевидности, если она – искусство мышления. В то время как первые гуманисты пользуются логикой в чисто риторических целях³¹, Рамус пользуется риторикой, чтобы учить логике.

Оценка «Диалектики» в истории логики

В общем говоря о произведении «Диалектика», можно найти как положительные, так и отрицательные элементы.

Среди отрицательных элементов находится введение Рамэ терминов антецедента и консеквента, чтобы избавиться с их помощью от аристотелевских понятий субъекта и атрибута, или, точнее, подлежащего и сказуемого, нововведение, которое так и не получило продолжения. Эти новые термины сегодня применяются лишь для обозначения элементов условного суждения. Та же судьба постигла введение силлогизмов с единичными суждениями.

При каждом своем переиздании «Диалектика» менялась по содержанию. Так, наряду с исключением единичных силлогизмов в издании 1576 г. заметно и отсутствие третьей фигуры. И причина этого осталась бы непонятной, если бы не предположение Дассонвилля³² о том, что Рамэ хотел радикально отмежеваться от схоластической школы.

Одно из важных достоинств «Диалектики» в том, что она стала первым философским произведением на французском языке. Тем самым Рамэ дал толчок развитию французской философской и литературной традиции, которая далее будет стараться выражаться на своем родном языке и которая представлена такими философами, как Луи де Лескдаш, А. Арно и П. Николь из Пор-Рояля и Р. Декарт.

«Диалектика» обладает «философским» характером. Дассонвилль, например, пишет, что «Рамус был первым, который не ограничивал свою программу популяризации философии лишь переводами... Он был

³⁰ Dassonville M. Dialectique. 1555 – Pierre lie la Ramée. Edition critique avec introduction, notes et commentaires. Genève, 1964. P. 144.

³¹ «De Dialectica inventione d'Agriкола. cite par W. J. Ong RMDD P. 100, livre III.

³² Dassonville M. Dialectique. 1555 – Pierre lie la Ramée. Edition critique avec introduction, notes et commentaires. Geneve, 1964. Note page 162.

первым, который написал оригинальное произведение, иллюстрирующее философию, выраженную по-французски»³³.

Норман, который оспаривает вклад теории Рамэ в сфере логики, приветствует, однако, ее значение в сфере педагогики. «*Диалектика*» представляется ему популяризацией науки законов мышления, привлекательной для юных школьников. «*«Диалектика»*, – пишет он, – столь проста, что мальчик сможет запомнить ее, если не сможет ее понять»³⁴.

Наряду с этим философский и научный характер нововведений Рамэ подчеркивается и использованием родного языка, который выступает как способ освобождения от устаревшей традиции. Как пишет Дассонвилль, для Рамуса «Эмансипация языка была необходима, чтобы забыть средневековые формулы и ухищрения приходящей в упадок схоластики»³⁵.

Рамэ не только и не просто переносит сферу философствования с латыни на французский – он вносит и определенный языковой вклад по сравнению со схоластическим языком. По мнению того же Дассонвилля, частое употребление им понятия «разум» подразумевает «рационализм», хотя это последнее понятие было неизвестно Рамусу в XVI веке. Таким образом, Рамэ обозначает начало направления рационализма.

Рамус часто употреблял термины средневековой схоластики, но уже с другим содержанием. В эту категорию входит, например, понятие «пропозиция», которое у Рамэ не обозначает просто высказывание, а большую посылку силлогизма. Вместо же «proposition», то есть, высказывания, он употребляет слово «énonciation».

Оценка вклада Рамуса в логику, сделанная Котарбиньским, стала авторитетной. Многие историки, такие, например, как Антон Думитрив³⁶, ссылались на нее. Одним из пунктов оценки Котарбиньского является то, что «Рамэ положил начало обычно практиковавшемуся позднее и еще нередко практикуемому ныне плану разделов логики в ее целостном систематическом изложении»³⁷. Речь здесь идет о делении логики или диалектики на науку о понятии (включая теорию определения и классификации), о суждении, об умозаключении (категорический, гипотетический и дизъюнктивный силлогизм) и о методе. В самом деле, Антуан Арно и Пьер Николь признают, что устанавливают это же распределение и порядок частей логики в своем знаменитом произведении *«Логика*

³³ Там же. С. 11.

³⁴ Dassonville M. *Dialectique*. 1555 – Pierre de la Ramée. Edition critique avec introduction, notes et commentaires. Geneve, 1964. P. 9.

³⁵ Там же.

³⁶ *Dumitriv Anton*. History of logic. Vol. II. Kent – Fnyland, 1977. P. 237–238.

³⁷ *Котарбиньский Т.* Избранные произведения. М., 1963. С. 426.

Пор-Рояля» (1662 г.)³⁸. Похожий план встречается также у Гассенди (около 1660 г.) и у Луи де Лескляш (1648 г.).

О «*Диалектике*» Рамэ много говорилось и доказывалось, ибо она «была одной из трех или четырех самых выдающихся книг своей эры»³⁹. Вот что пишет о ней Гассенди, сравнивая ее с другими произведениями: «Двести лет тому назад Лоренцо Валла, написав три книги диалектических рассуждений⁴⁰, сказал, что можно не соглашаться с Аристотелем, и он сам во многих моментах действительно с ним не соглашался. Сто лет назад Л. Вивес много рассуждал в том же самом духе. Задумываясь над тем, какова причина порчи искусств, он сделал определенные упреки аристотелевскому “*Органону*”».

Рассматривая значение «*Диалектики*», Онг пишет, что оно было таким, что с ее появлением на свет она заняла место четырех разных изданий известного произведения Агриколы «*Dialectical Invention*»⁴¹. И ее читали с тем же энтузиазмом, с каким читали «*Dialectical Invention*» в свое время, пока не появилось логическое учение Декарта.

Андре Робине тоже приходит к выводу о том, что «до Рамэ диалектика еще не овладела никакой теорией о нахождении, основанной на естественном разуме, ни независимым понятием о методе, ни отношением между диалектикой и математикой, ни “логистическим” соответствием между арифметикой и геометрией»⁴².

³⁸ *Arnauld Antoine et Nicole Pierre*. La logique ou l'art de penser contenant, outre les rigles communes, plusieurs observations nouvelles, propres a former le jugement. Ed. Critique par Pierre Clair et François Gilbat. Paris, 1965. P. 2.

³⁹ *Miller Perry and Johnson Thomas*. The Puritans. New-York, 1938. P. 22–29.

⁴⁰ Первая редакция «*Диалектики*» Лоренцо Валлы (1407–1457) была издана в 1439–1440. Полное ее название «*Перекапывание диалектики и философии*».

⁴¹ *Walter J., Ong S.J.* Ramus and Talon Inventory. Cambridge, 1958. P. 536.

⁴² *Robinet Andre*. Le référent «Dialectique» dans les Regulae // Les études philosophiques – «Descartes». PUF, 1-2. 1996. P. 13.